

ПРИБОЙ

Дом наш из белого камня стоит у кромки пустынного пляжа. Когда с моря дует ветер, флюгер на шпиле крыши – конь и его всадник – начинает свой бег по кругу, тщетно пытаясь вырваться на свободу. До террасы, где я сижу над рукописью, доносится смех детей, играющих на заднем дворе. Открывается дверь, она подходит к столу, смотрит, улыбаясь. Она говорит – женщина не может не радоваться, прижимаясь к плечу мужа. Лицо женщины озаряет счастье при виде резвящихся среди цветов сына и дочери – говорит она. Я киваю. Мне нечего возразить, ведь башмаки стучат по плитам двора, а за приоткрытой дверью над блюдами клубится пар. Но по ночам, когда за окном шумит прибой, а луна прячется от одиночества в тучах, мне снится один и тот же сон. Босой, я иду по пустынному пляжу. Спинной ко мне у самой воды сидит незнакомка. Голова на коленях, пальцы просеивают песок. Откуда-то я знаю – у неё есть всё, составляющее счастье женщины, и она плачет. Плачет потому, что жизнь, хорошая или плохая, наполненная или дырявая, проходит, сыпется, как холодный песок сквозь веточки пальцев. Я хочу обнять её и просыпаюсь. Наступает день с его башмаками и клубами пара. Потом тьма поглотит свет, и я погружусь в сон без сновидений под бесстрастной луной. Но перед этим, пока она будет ждать меня в спальне затихшего дома, я поднимусь на крышу, прислонюсь к шпилю и стану искать глазами сидящую у воды. Искать и не находить, не находить, не находить.

КОГДА КОНЧИТСЯ НЕФТЬ

– Думаешь, она когда-нибудь закончится?

Он молчал, глядя на выступавшую из тумана платформу. Очередной катер прорвал белёсую пелену. Носатая посуда остановилась у стены, раздался щелчок металла о металл. Катер покачался на волнах, потом снова щёлкнуло, и пришелец исчез в тумане. Всегда в неизвестность, никогда в сторону их утёса.

– На каком языке мы разговариваем?

– Что? – Ханна повернула к нему бледное лицо со следами недоумения.

– Мы не говорим, как раньше, не пользуемся словами, нам это только кажется. Странно. Столько времени прошло, а я лишь сейчас осознал.

Жером был прав. Ханна задумалась над тем, как они общались, но вскоре оборвала мысль. Здесь не существовало объяснений, как, возможно, и времени, о котором он говорил. Не билось сердце, лёгкие не втягивали воздух, тело не отзывалось на прикосновения. Касаясь себя, другого, поверхности под ногами, они ощущали только лишённую текстуры преграду. Ханна помнила, как в отчаянии билась головой о камень, месила его кулаками. Ничего. Ни боли, ни крови, лишь вода, платформа в тумане, катера и утёс. Она встала, подошла к краю. Сколько раз они пытались спрыгнуть, натываясь на незримый барьер.

– Они дошли.

– Дети?

– Да, – у платформы снова щёлкнуло. Сны были частью того немногого, что им осталось с той стороны. Когда темнело (на небе здесь никогда не зажигались звёзды), какая-то сила заставляла их растянуться на утёсе. Сознание отключалось, и приходили сновидения.

– Они дошли, – повторила Ханна.

Много ночей подряд ей снились дети, мальчик лет пятнадцати и его младшие брат с сестрой, по виду едва достигшие школьного возраста. Они шли по жуткой выжженной планете, пережившей последнюю войну. В полном одиночестве, если не считать одичавших собак и трупы людей, кутаясь в лохмотья, страдая от голода, они шли к Стене. За ней, Ханна откуда-то знала об этом, должен был лежать другой, уцелевший мир.

– И что там?

– То же самое. Стена во все стороны, до горизонта. Не такая уж и высокая, вся в выбоинах. Старший полез, цепляясь за них, добрался до вершины, а там только пепел и кости. Он заплакал, а потом крикнул мальым, чтобы радовались, сейчас он спустится и всё им расскажет. На этом я проснулась.

– Ему же всё равно придётся сказать правду.

– Он делает их счастливыми, пусть и ненадолго. Слезет, наплетёт что-то про траву и цивилизацию. Дальше будут думать, как малышам забраться наверх. Может, они даже умрут до того, как всё откроется. Знаешь, мне кажется, это послание.

– В каком смысле?

– Послание мне, намёк на то, как я жила там. Лучше горькая правда, ничего нет дороже истины, откажемся от иллюзий. Когда сын в десять лет спросил меня о смерти – ему было так страшно, если ты бы видел – я сказала ему, что после ничего нет. Ни бога, ни реинкарнации, ничего. Он плакал, а я говорила себе – всё правильно, это пройдёт, нужно жить в реальном мире. И так всегда и везде. О чём я тогда думала?

– По-твоему, здесь всё же что-то вроде чистилища?

– Не знаю, может, и ад.

– Я тоже думал об этом. Ночью я опять шёл по городу. Там что-то праздновали, всё очень нарядное, толпы людей веселятся. Я вижу друзей, родителей, они зовут меня к себе, но остановиться не получается. Как будто ветер без конца бьёт в спину, и я иду и иду...

– Что это может значить?

– Значить... Не думаю, что много грешил там. Я просто хотел, чтобы меня не беспокоили другие, те же родные, друзья, чтобы дали мне прожить эту короткую жизнь максимально спокойно. Я не отказывал им в помощи, но тут же о них забывал. Их горести меня не трогали.

– Ты не кажешься чёрствым человеком.

– Ты меня не знала тогда.

Они молчали. Вода билась об утёс.

– Я вдруг подумала, – Ханна неотрывно смотрела в туман. – На платформе добывают нефть, ею управляют катера, и они что-то везут туда. Может, новые души, может, добро и зло.

– Нефтью не заправляются в чистом виде, – тихо сказала Жером, – её сначала перерабатывают.

– Какая разница? Здесь всё по-другому. И вот я подумала. Нефть же не бесконечна, там её осталось всего лет на пятьдесят-шестьдесят, я где-то читала. Что будет, если она закончится и здесь? Конец света?

– Знаешь, – Жером почти шептал, – мне иногда кажется, что если я выберусь из города во сне, то выйду к обрыву. Спустишь, и внизу меня будет ждать такой же катер. Я сяду в него, и мы уплывём. Не знаю куда, но это всё, о чём я могу ещё мечтать.

Двое на утёсе смотрели вдаль, думая о том, приплывут ли за ними до того, как закончится нефть.

Идея этого короткого рассказа о посмертии (тема, к которой я неизбежно раз за разом возвращаюсь) возникла из всплывшего однажды в моей голове вопроса. Прыгая от нечего делать по интернет-ссылкам, я наткнулся на статью про нефть. Там, в частности, говорилось, что мировых запасов ресурса хватит ещё на несколько десятков лет. Я подумал о том, что мы будем делать дальше, взял ручку и написал этот текст.

ОТЕЛИ

В холле Отеля Разбитых Сердец

Висит большая карта,

Вся в красных кнопках.

Заселяясь, каждая пара

Втыкает остриё в то место,

Откуда они приехали.

Потом мужчина и женщина

Поднимаются в номер,

Молча раскладывают вещи,

Занимаются своими делами.

А когда наступает ночь,

Они, всё так же в молчании,

Ложатся в постель

Спиной друг к другу

И думают о тех,

Кого по-настоящему любили

Когда-то.

При Отеле Бесплодных Надежд
 Есть маленькое казино.
 Постояльцы играют там
 В блэджек, рулетку, колесо фортуны
 И неизменно выигрывают.
 Сжимая в руках пачки купюр,
 Они с недоумением смотрят на деньги,
 Не зная, что с ними делать,
 Ведь на них не купить то,
 О чём мечтал однажды.
 Потом люди поднимаются в свои номера,
 Где при свете луны
 Поджигают одну за другой банкноты,
 И в завитках дыма им мерещится
 Несбывшееся.

*

В баре Отеля Уставших Богов
 Каждый вечер заседают
 Верующие всех мастей.
 Они пьют и спорят
 О преимуществах своих божеств
 И путях,
 Которыми к ним приходят.
 И вдруг кто-то говорит,
 Что потерял связь с Творцом,
 Не чувствует его присутствия.
 «А может, он просто устал
 И покинул нас», – говорит кто-то,
 И следует крик,
 Хруст стекла под ногами и драка.
 Потом служители
 Провожают избитых верующих
 В их номера.
 В ночной темноте
 Люди садятся у окон,
 Дышат алкоголем на стёкла
 И ждут в надежде,
 Что на запотевшей поверхности
 Проявится знамение
 Непостижимого Господа.

ТАЙНА

Читая его тексты, слушая его голос, глядя на нервные руки, тревожащие воздух в такт падающим словам, они мечтали стать свидетельницами того, как он пишет. Им виделась в этом некая романтическая тайна, и приоткрыть над ней завесу означало обрести власть, к которой так стремятся женщины. Он же, однажды расставшийся с иллюзиями самолюбования, знал, как всё выглядело на самом деле. Да, порой был отрешённый взгляд отшельника-философа, лоб в морщинах и тень печали на лице – всё то, что заставляло неискущённые сердца сжиматься от восторга. Но чаще, значительно чаще посреди ночи он перелезал через одну из них, поднимался с кровати, брал из бара бутылку и, в футболке и трусах, с растрёпанными волосами и помятой кожей, шёл в соседнюю комнату к блокноту и шариковой ручке. Ещё были прогулки, и он вдруг замирал, не реагируя на их вопросы или отвечая невпопад, раз за разом выуживая из кармана всё тот же блокнот. Даже в минуты страсти его взгляд мог стать пугающе-оценивающим, глаза человека, сосредоточившегося на вспыхнувшей внутри идее. «Тебе слова дороже людей?» – спрашивали они перед тем, как расстаться. И он, столь изобретательный на страницах блокнота, не находил, что сказать.

Потом каждый отправлялся своим путём. Они – на поиски новых тайн, он же разоблачался, надевал футболку и трусы и вытягивался под одеялом. Мысли начинали путаться и незаметно гасли под натиском сна. Сон приносил ответы на все вопросы, но утром ничего из этого удержать в памяти не удавалось. Усталый человек грёзил, завернувшись в одеяло, и бутылка на столике возле бара терпеливо ждала в ночной тишине.

ТАБЛЕТКИ (ПСИХОРЭП)

Дорогая, куда ты переложила мои таблетки?
Всё боишься, что потянут в рот их безумные наши детки?
Ты не забывай: максимум через полчаса мне выходить на работу,
До шести вечера пылью покрываться в офисных сотах.
Но что изменится, если цифры совпадут во всех документах?
Не перестанут упоминать о войне в новостных бесконечных лентах,
Чтоб не накатило желание раздать зомби-коллегам по пуле,
Говори быстрее, куда ты переложила пилюли.

Ты оглохла, милая? Я говорю тебе о таблетках.
Пропустил приём и сразу понял – все мы попугаи в клетках.
Повторяем их лозунги, клавы механически открывая,
Жрём свой корм в ожидании обещанного земного рая.
Трепещем при виде знамён, вековой покрытых пылью,
Давно забыли, для чего нужны нам были крылья,
Я готов разбить телевизор, приближаясь к невозврата точке,
Где эти, мать их, где аптечные кружочки?

Любовь моя, я в ухо тебе ору о таблетках,
За окном проповедники заливаются соловьями на ветках.
Чем шире ряса, тем больше шансов обнаружить ствол под ней,
На тусовках выясняют, у кого же из них он длинней.
Сто миллиардов звёзд в галактике, но никто не видит дальше канонов,
Кайфуют, наблюдая, как поклоны бьют воцерковлённые клоны,
Спустить бы курок, дуло погрузив в отвисший святоши зад,
Всё равно без таблеток не жизнь, а безбрежный крошечный ад...

Дорогая, прости, смахнул их на пол, когда брился,
Сам не пойму, из-за чего я тут так кипятился.
Обещаю: детей маме, а с тобой в ресторан мы в субботу.
Завяжи, пожалуйста, галстук, через пять минут выходить на работу.

ЛОСКУТНЫЙ ПРОПОВЕДНИК

В начале одного из тысячелетий (какого именно, не важно, ведь бесконечная Вселенная презирает цифры) в некоей стране продолжалась изнурительная война. Она длилась так долго, что нападавшие успели забыть, зачем их предки однажды вторглись в этот некогда цветущий край, а защитники обороняли свои опустошённые земли лишь потому, что не ведали иной жизни. Картечь, ядра и порох у обеих сторон давно закончились, и все сражения сводились к вырезанию друг друга холодным оружием. Культура и искусство безнадежно деградировали, а у папертей уцелевших храмов вороньё клевало глаза мертвецов с раздувшимися от голода животами.

Никто не скажет, когда слухи о нём начали расползаться по стране. Рассказы эти повторяли и в том, и в другом лагере. Говорили о человеке в рясе из множества кусков разноцветной ткани и такого же покроя мешке с прорезями для глаз на голове. В грязных тавернах, у ворот рынков, на площадях захваченных и отбитых городов – он появлялся то здесь, то там, сопровождаемый мужчинами с хмурыми незапоминающимися лицами. Народная молва окрестила таинственного незнакомца лоскутным проповедником, проповеди же его поражали своей хаотичностью и противоречивостью. Сегодня он говорил о праве сильного брать огнём и мечом всё, что он пожелает, а завтра о святом долге до последнего вздоха защищать родную землю. Одним он вещал об угодных Создателю умерщвлении плоти и аскезе, других призывал погрязнуть во всевозможных пороках, ибо жизнь коротка, и творца, карающего за грехи, не существует. Порой слова его были слишком сложны для понимания, а ещё он утверждал, что войну развязали книгочеи, место которых на колу. Случалось, проповедник с трудом держался на ногах и, поддерживаемый угрюмой

свитой, нёс пьяную бессмыслицу. Пророк в лоскутах неоднократно заявлял, что любое сказанное и тем более написанное слово несёт в себе семена лжи, искажая изначальную мысль. При этом сохранилось немало разрозненных записей его речей, второпях сделанных слушателями. В одном из таких обрывков можно прочитать: «Одежда моя подобна природе человеческой и самим людям. Множество их и множество всего в них». Все попытки задержать смущавшего людские умы оставались безуспешными. Проповедник со своим окружением всякий раз исчезали незадолго до появления вооружённых отрядов. Кто-то верил в то, что это забытый бог, решивший наконец вмешаться в земные дела и заставить сотворённых им взглянуть на себя со стороны. Другие видели в происходившем признаки деятельности тайного альянса противоборствующих сторон, созданного с целью прекратить войну. Ещё одни полагали, что истинной целью было уничтожение всех людей, как в стране, так и во всём мире.

Я не знаю, чем закончилась эта история, где она происходила и случалась ли вообще. Расширяющаяся Вселенная, продолжая свой вечный бег, что-то беспрестанно бормочет себе под нос, и до меня донеслись отголоски её бормотания. Впрочем, сюжет этот показался мне заслуживающим внимания, занятным, как человеческая природа и сами люди.